

Received: 30.12.2020

Accepted: 05.03.2021

DOI: 10.34858/sstp.2.2020.009

Olena SEK

V.I. Vernadsky Taurida National University

Kiev, Ukraine. e-mail:daksikoll@gmail.com

ORCID: 0000-0002-5703-1292

Strategies of Survival in the System of Interpersonal Relations in Conditions of Forced Isolation and War

The article examines the features of interpersonal relations in conditions of forced isolation and war captivity and their influence on forming a strategy for the survival of prisoners of war and civilian hostages. The forms of interpersonal relations in such conditions are determined. The analysis of psychological factors influencing the formation of prisoner behaviour models is carried out. The presented research results allow us to get an idea of the factors that influence a survival strategy, taking into account various forms of interaction in conditions of forced isolation.

Keywords: captivity, interpersonal relations, captive, hostage, prisoner of war, forced isolation, survival strategies, hybrid forms of captivity

Формы межличностных отношений в условиях принудительной изоляции и военного плена

В статье описаны особенности межличностных отношений в условиях принудительной изоляции и военного плена, а также их влияние на формирование стратегии выживания военнопленных и гражданских заложников. Определены формы межличностных отношений в таких условиях. Представлены результаты пилотажного исследования, что позволяет составить представление о факторах, которые влияют на избрание стратегии выживания, учитывая различные формы взаимодействия в условиях принудительной изоляции.

Ключевые слова: межличностные отношения, плен, пленный, заложник, военнопленный, принудительная изоляция, гибридные формы плена

Введение

Оккупация Крыма, части Донецкой, Луганской областей Украины вооруженными формированиями Российской Федерации, стали следствием гибридной войны против Украины, одним из ключевых элементов которой было и остается воздействие на сознание населения. Отдельного внимания с этой точки зрения заслуживает болезненная, острая и очень чувствительная тема освобождения военнослужащих и гражданских лиц Украины из плена российской оккупационной власти. В условиях гибридной войны военнопленные и гражданские заложники стали не только жертвами военной агрессии, но и мощным инструментом политического давления и влияния на сознание граждан Украины и жителей временно оккупированных территорий.

По словам Уполномоченного Верховной Рады Украины по правам человека Людмилы Денисовой, в плену российских оккупационных войск находилось 251 человек (по состоянию на январь 2021 г.). Впрочем, эта цифра может быть значительно больше. Практически каждый житель временно оккупированных территорий в любой момент может оказаться в статусе заложника или пленного, став частью так называемого «обменного фонда».

Поведение личности в плену сейчас активно исследуют украинские ученые О. Сиропятов, О. Хмиляр, О. Тимченко, Н. Лозинська, Ю. Широбоков, Н. Зарецька, К. Кравченко, В. Апальков, применяя в своих работах также мировой опыт, в частности, работы В. Франкла, Р. Чалдини, Т. Томита, М. Даниельсбакка, В. Мориц, Р. Нахтигаль и современные исследования Г. Персиваля, А. Ланглиба.

Учитывая актуальность и недостаточную разработанность проблемы, целью статьи является представление форм межличностных отношений, возникающих в условиях принудительной изоляции и военного плена в войне XXI века. Это позволит глубже понять процессы, происходящие с человеком в плену и в последствии разработать предложения для актуализации и усовершенствования программ подготовки личного состава Вооруженных Сил Украины к выживанию в случае попадания в условия принудительной изоляции.

Данная статья основана на анализе литературы и данных, полученных в результате структурированного интервью с освобожденными лицами из плена (29 декабря 2014, 27 декабря 2017 года, 28 июня 2019, 7 сентября 2019, 28 декабря 2019, 16 апреля 2020) во время реинтеграционных мероприятий.

Межличностные отношения в условиях принудительной изоляции: определение и сущность

Современная психология рассматривает межличностные отношения как возможность проявить личности свою базовую структуру и заявить личностный потенциал (Лепиков, 2001, с. 71–72). Межличностные отношения – это также связи между людьми, которые субъективно переживаются и объективно проявляются в характере и способах межличностного взаимодействия, и как следствие – взаимных влияниях друг на друга в процессе их общения. Причем, общение, и в результате, восприятие и оценка происходит через призму установок, ориентации и ожиданий, стереотипов и других диспозиций (Руденко, 2014, с. 198–207).

Рассмотрим особенности межличностных отношений в условиях принудительной изоляции на уровне социальных групп, учитывая специфические условия, на фоне которых эти отношения складываются.

Плен остается одним из самых больших страхов военнослужащих и комбатантов. Это, прежде всего, связано с применением к пленным пыток, насилия, различных видов давления, разрушением личности пленника. К сожалению, это все происходит и сейчас на временно оккупированных территориях Украины – частично Луганской и Донецкой областях, в Крыму. В отчете Украинского Хельсинского союза по правам человека¹ «Говорят застенки. Военные преступления против пленных и факты присутствия военнослужащих РФ в Донбассе» (2018), а также в материалах дебрифингов, составленных в процессе реинтеграционных мероприятий в 2017–2020 годах, содержатся свидетельства пыток, издевательств, физического, сексуального, психологического насилия по отношению к военнопленным и заложникам со стороны боевиков и представителей российских оккупационных войск.

Однако, прежде чем проанализировать сегодняшнее состояние мы обратимся данным исторических исследований.

---

¹ Украинский Хельсинский союз по правам человека (УХСПЧ) – крупнейшая ассоциация правозащитных организаций Украины. Союз объединяет 29 правозащитных неправительственных организаций. Целью деятельности УХСПЧ является защита прав человека.

Формы межличностных отношений в условиях принудительной изоляции и военного плена – данные исторических исследований

На основе воспоминаний военнопленных Первой мировой и Второй мировой войн – согласно материалам и исторических исследований (Дмитриева, 2015; Галицкий, 1997; Звягинцев, 2012; Франкл, 2018; Смирнова), межличностные отношения в условиях принудительной изоляции и военного плена строились в рамках следующих форм взаимодействия: равный – равному (то есть, военнопленный – военнопленный, узник – узник (из числа мирного населения), пленный – охранник/палач (часто, это одно и то же лицо), пленник – спаситель (как правило, это тот, кто мог подкормить, оказать медицинскую помощь и т.д., из числа гражданских лиц, которые в силу выполнения профессиональных обязанностей вступали с пленниками во взаимодействие). Межличностные отношения в упомянутых выше взаимодействиях формировались согласно верованиям и мировоззренческим убеждениям, которые имели чрезвычайную ценность на фоне обесценивания собственно человеческой жизни. Хотя еще в VI в. до н.э. выдающийся китайский военачальник и философ Сунь-дзи в трактате «Искусство войны» призвал к гуманному отношению к пленным, отмечая, что в этом проявляется величие полководца.

В годы Первой мировой войны 1914–1918 гг. в плену воюющих государств находилось 9 миллионов человек, из них более 5 миллионов пленных солдат и офицеров содержались в лагерях Российской империи и ее союзников.

Создание массовых армий и переход к тотальным методам ведения военных действий вызвали необходимость принятия во второй половине XIX – начале XX столетий целого ряда международных конвенций о статусе военнопленных: Женевских 1864 и 1906, Брюссельской 1874, Гаагских 1899 и 1907 годов. В этот период в международном праве определились следующие принципы военного плена и положения военнопленных:

- во-первых, целью плена было предотвращение участия пленных в продолжении военных действий. Плен не рассматривался в качестве наказания и предусматривал ограничение свободы солдат и офицеров вражеской стороны;
- во-вторых, за военнопленными признавался статус безоружных воинов, выполнявших свой воинский долг;

- в-третьих, военнопленные имели право на уважение достоинства, судебную защиту, пищевое обеспечение и медицинскую помощь, переписки, получение различных видов помощи со стороны соответствующих государственных органов и международных организаций.

Во время Второй мировой войны отношение к военнопленным не всегда соответствовало международным договоренностям. Советский Союз так и не стал членом коалиции стран, которые брали за правило гуманное отношение к пленным. В результате, СССР не придерживался принятых ранее норм даже по отношению к советским солдатам. Советские воины были брошены на произвол судьбы своим верховным главнокомандующим, о чем свидетельствует приказ считать всех военнопленных «дезертирами». Все они заочно были лишены воинского звания, поставлены на учет в НКВД, а их семьи лишались карточек на питание. Об этом знали в лагерях военнопленных. Их и так тяжелое моральное состояние усложнялось и болью за своих родных, которых они также, помимо своего желания, обрекали на голодное существование, а иногда и мучительную смерть. Во время судебного процесса в Нюрнберге было названо, что к февралю 1942 года из общего числа советских военнопленных умерло уже 500 тысяч и только 1300 тысяч считались работоспособными. Российский военный юрист Александр Звягинцев, опираясь на сохранившиеся документы немецкой армии, свидетельствует, что по состоянию на 1 мая 1944 года в немецких концлагерях находилось 1 миллион 53 тысячи советских пленников, еще 1 миллион 981 тысяча пленников к тому времени умерли, 473 тысячи – казнены, 768 тысяч – умерли в транзитных лагерях. В конечном итоге выходило, что с 22 июня 1941 по 1 мая 1944 года в плен попало более 5 миллионов советских военнослужащих (Звягинцев, 2012).

Униженные, измученные голодом и ужасными условиями жизни, советские военнопленные получив от немецкого командования нормальный военный паек, чистое белье и человеческое отношение, довольно часто соглашались надевать немецкий мундир, тем более, что им объявляли, что из них будут формировать части для тыловой службы. Взаимодействие с немецким командованием становилось стратегией выживания. Выбор, связанный с переходом на службу в коллаборантских формированиях, был преимущественно вынужденным. В конце Второй мировой войны на службе немецких нацистов пребывали около 300 тысяч бывших советских военнопленных и гражданских лиц (Звягинцев, 2012; Смирнова, 2019).

В. Смирнова пишет, что житомирянин, младший лейтенант в отставке Владимир Киталов вспоминал: «После оккупации Киева немцы начали выбирать военнопленных, желающих вступить в ряды киевской полиции. Первые дни

желающих не было. Пленные в возрасте давали советы, как выбраться из лагеря, получить оружие и бежать через фронт к своим. Немцы отобрали небольшое количество здоровых людей, которым таким образом удалось выбраться из лагеря».

Формы плена и межличностных отношений в зависимости от принадлежности к определенной социальной группе в условиях гибридной войны

В. Франкл утверждал, что выжить в плену самостоятельно почти невозможно. Именно с этой точки рассматриваем взаимодействие в формате «равный – равному», который бы позволил не только выживать физически, но и сохранить себя как личность, удовлетворяющие потребность в общении, выражая собственных чувства, мысли (Франкл, 2018). Структура ориентированных потребностей личности среди прочего предполагает потребность в эмоциональном контакте и потребность смысла жизни.

Содержание «в одиночке» (в полной изоляции) как одна из форм психологического давления, упоминается в свидетельствах большинства освобожденных военнопленных из числа военнослужащих Вооруженных Сил Украины и гражданских заложников, бывших в плену у боевиков российских оккупационных войск в 2014–2020 годах. Еще одним способом психологического давления, с целью предотвращения возникновения близкого эмоционального контакта между пленниками, является частая смена места содержания пленника.

Одной из основных проблем выживания в плену в условиях гибридной войны является появление гибридных форм плена. Ранее комбатанты обычно содержались отдельно от гражданских лиц (Дмитриева, 2015; Галицкий, 1997; Звягинцев, 2012; Франкл, 2018; Смирнова, 2019; Глуховской, 2008). В случае гибридной войны основную роль играют структурные военные подразделения, прокси-силы (Тимченко, Ширококов, 2019; Хмиляр, 2017). Анализ опыта пребывания украинских граждан в военном плену и принудительной изоляции в период с 2014 по 2020 годы дает основания определить основные формы межличностных отношений в зависимости от принадлежности к определенной социальной группе, сформированной искусственным образом, в следствие помещения их в принудительную изоляцию.

Комбатант – комбатант – один из вариантов «равный – равному». С 2014 года в процессе российско-украинской войны в плену у российских прокси находились представители сил безопасности и сил обороны (Вооруженные Силы, Национальная гвардия, структуры МВД, СБУ, добровольческие батальоны) между которыми существовали свои взаимоотношения, сложившиеся ранее. Вторая (воюющая) сторона пыталась использовать разницу традиций и отличие корпоративных культур силовых структур для формирования конфликтов в среде пленных, «натравливая» их друг на друга, пытаясь помешать выстраиванию стратегии выживания путем взаимной поддержки. Например, освобожденный в 2014 году Н., который проходил службу в одном из добровольческих батальонов, подчиненных Национальной гвардии, вспоминал, что во время допросов ему пытались внушить мысль, что якобы «збройники» (военнослужащие Вооруженных Сил Украины) намеренно используют добровольцев как «пушечное мясо», что не соответствовало действительности.

Эти нарративы использовались также для воздействия на защитников Украины, пытаясь провоцировать конфликты между представителями различных формирований, чтобы снизить их морально-психологический уровень военных подразделений и посеять недоверие и конфликты между подразделениями сил обороны Украины.

Комбатант – гражданское лицо. С 2016 года, когда оккупационные власти начали применять свои псевдонормативные акты в качестве обоснования действий в отношении насильственно удерживаемых, участились случаи пребывания в одной камере военнопленных и гражданских лиц. Освобожденный из плена в 2019 году Т. вспоминал, что некоторое время находился в одной камере с военными пленными украинской армии: «им было значительно сложнее. Мне как местному хотя бы какую-то передачу могли передать, а им даже по телефону с родными не давали говорить. Военные сначала настороженно относились, думали, что я «подсадной», да и я им не сильно доверял. Но потом стало ясно, что мы на одной стороне». Хотя, некоторые освобожденные вспоминают, что охрана пыталась провоцировать конфликты между пленниками, играя на идеологических противоречиях, или имитируя сотрудничество с кем-то из них.

Военнопленный – уголовник, когда военнопленный содержится с группой уголовных преступников. Освобожденный из плена в 2019 году Е. вспоминал о физическом насилии со стороны уголовных преступников: «Сначала они ко мне вроде по-доброму относились, даже подкармливали, а потом сказали, что еду надо обрабатывать». Известны также случаи, когда в одной камере содержались украинские военнослужащие, уголовные преступники и заключенные комбатанты

российских оккупационных войск. В данной форме межличностных отношений имеет место двойное давление на военнопленного. Психологическое воздействие осуществляется не только со стороны боевиков, но и со стороны уголовных преступников. Двойной прессинг усиливает психологическое воздействие. Подобное происходит и в случае, когда гражданского заложника помещают в камеру к уголовным преступникам.

Военнопленный – охранник. А. Хмиляр (2014, с. 132–133) отмечает в своих исследованиях, что установления определенных отношений с охранниками может облегчить пережить плен. При условии, если в этом взаимодействии пленный имеет контроль (например пытаться пробудить у охранников сочувствие и готовность идти на уступки). В ином случае взаимодействие может иметь признаки коллаборационизма и последствие в виде уголовной ответственности. Также нужно учитывать, что взаимодействие с охранниками может содержать в себе риски индоктринирования или же прямой вербовки. Освобожденный из плена в 2020 военнослужащий Г. вспоминал об имитации помощи в организации побега со стороны охранника, с которым был установлен эмоциональный контакт. «Побег» оказался неудачным, а после которого последовала попытка вербовки.

Заключение

Будучи пленным, или пребывая в качестве заложника, человек утрачивает контроль над своей жизнью. Это обуславливает потерю контроля над формированием межличностных отношений. Он вынужден вступать во взаимодействие с теми, кто находится с ним рядом, вне зависимости от его желания, формируя при этом эмоциональное пространство и выстраивая стратегию выживания. Формы межличностных отношений детерминированы принадлежностью их участников к определенным социальным группам. Если стоит задача сломать личность, подвергнуть ее эксплуатации, индоктринировать, то будут внедряться максимально травмирующие формы вынужденных взаимоотношений или же их комбинации. В этом, в частности, проявляется гибридность плена – не просто вывести военнослужащего из военных действий, а использовать его в своих целях, подавив волю и психологическое сопротивление. Эти факторы необходимо учитывать, проводя с военнослужащими или же с гражданскими из профессиональной группы риска, психологическую подготовку направленную на способы выживания в условиях принудительной изоляции или военного плена.

References

- Bielousov, Yu.L., Korynevych, A.O., Martynenko, O.A., Matviichuk, O.V., in. (2015). *Ti, shcho perezhlylo peklo: svidchennia zhertv pro mistisia nezakonnykh uviaznen na Donbasi*. Kyiv: TsP Kompyrnt [in Ukrainian].
- Dmytriieva, O. (2015). *Viiskovopoloneni chekhy ta slovaky u pravovidnosynakh periodu Pershoi svitovoi viiny*, <http://www.historians.in.ua/index.php/en/doslidzhennya/1585-oksana-dmytriieva-viiskovopoloneni-chekhy-ta-slovaky-u-pravovidnosynakh-periodu-pershoi-svitovoi-viiny> [in Ukrainian].
- Frankl, V. (2018). *Liudyna v poshukakh spravzhnoho sensu. Psykholoh u kontstabori*. [Man in search of true meaning. Psychologist in a concentration camp] – Kharkiv.: «Hlobus» [in Ukrainian].
- Galickyi, V.P. (1997). *Finskie voennoplennyye v lageryah NKVD (1939–1953 rr.)*. Moskva: Graal [in Russian].
- Hlukhovskiy, V.S. (2008). *Moi spohady* [My memories]. Kyiv: «Osnova» [in Ukrainian].
- Khmiliar, O.F. (2017). *Zastosuvannia Sukhoputnykh viisk Zbroinykh Syl Ukrainy u konfliktakh suchasnosti: zbirnyk tez dopovidei naukovy-praktychnoi konferentsii* [Application of the Land Forces of the Armed Forces of Ukraine in modern conflicts]. Lviv: NASV [in Ukrainian].
- Lepikhov, L.A. (2001). *Mezhlichnostnye otnosheniya, Psihologiya lichnosti: slovar-spravochnik*. Moskva: Ruta [in Russian].
- Otchet Ukrainskoi Helsinskoi spilki prav cheloveka «Govoryat zastenki. Voennyye prestupleniya protiv plennykh i facty prisutstviya voennosluzhashih RF v Donbasse» 2018 goda https://helsinki.org.ua/wp-content/uploads/2018/05/Report_Torture_ukr_NED-1.pdf [in Ukrainian].
- Rudenko, L.A. (2014). *Mizhosobystisni stosunky yak chynnyk sotsialnoho stanovlennia osobystosti. Naukovi zapysky Ukrainskoho katolytskoho uniwersytetu*, 1 (IV).
- Smirnova, V. (2019). *Pro strategii vyzhyvannya ukrainskykh viskovopolonennykh u roky drugoi svitovoi viyny (za materialamy fondozbirni Natsionalnogo muzeu istorii Ukrainy u druhii svitovii viyni. Memorialnyi kompleks)*, https://vim.gov.ua/pages/_journal_files/22.07.2019/pdf/VIM_24_2018-52-70.pdf [in Ukrainian].
- Timchenko, O.V., Shirobokov Yu.M. (2019). *Psychologichna fenomenologiya suchasnogo viiskovoho polonu. Psychologichnyy technologyi efektyvnogo funkcionuvannya ta rozvytku osobystosti*. Sumy: SumDPU imeni A.S. Makarenka [in Ukrainian].
- Zaretska, N. (2020). *Ne resurs, a aktiv: zvilneni z polonu znaiut te, choho ne znaiut inshi*, <https://novynarnia.com/2020/01/28/ne-resurs-a-aktiv-zvilneni-z-polonu-znaiut-te-chogo-ne-znaiutinshi/> [in Ukrainian].
- Zvyagintsev, A.G. (2012). *Glavnyi process chelovechestva. Reportazh iz proshlogo. Obrashenie k budushemu*. Mjсква: OLMA Medya Hrapp [in Russian].